

О. Л. Фетисенко

КРЫМСКИЙ ПРОЕКТ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Речь пойдет не о политическом проекте, не о Крыме как центре Великого Восточного Союза (столицу такого союза государств К. Н. Леонтьев, естественно, чаял в Константинополе¹), а всего лишь о забытом, невостребованном труде — обширной записке молодого «лекаря Леонтьева», т. е. о проекте научном.

Но сначала о Крыме в жизни автора этого проекта. Именно с решения отправиться в Крым (дело происходило во время Восточной войны; в 1854 году студентам IV курса медицинского факультета Московского университета был предложен досрочный выпуск и поступление на военную службу) начинается самостоятельная жизнь Леонтьева. «Greift nur hinaus in's volle Menschenleben», — одобряет его Тургенев словами Гете². Изнеженный юноша приезжает в Крым через неделю после «несчастной битвы под Альмою»³ и становится младшим ординатором Керчь-Еникальского госпиталя, где на его попечении было «200 человек больных» (VI₂, 295). Из окон его комнатки в Ени-Кале видны «крепостные стены, белые, низкие гошпитальные домики, бушующий пролив...» (VI₂, 57). Устав от тяжелой работы и от общества, напоминавшего «то Гоголя,

¹ Можно вспомнить, например, его статью «Будущность Царьграда» в цикле «Письма о Восточных делах» (1883).

² Письмо И. С. Тургенева от 11 февраля 1855 г. (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Л., 1987. Т. 3. С. 15); перевод Тургенева: «Запускайте руку внутрь, в глубину человеческой жизни» (Там же. С. 417).

³ *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2002. Т. 5. С. 91. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

то „Капитанскую дочку“» (VI₁, 64), он просит прикомандировать его к казачьему полку. Лето в степи с «донцами» Леонтьев вспоминал как один из счастливейших периодов своей богатой событиями и декорациями жизни⁴.

А осенью 1855 года возобновляется служба в госпиталях — то позначительнее (Феодосийском, Симферопольском), то совсем в убогих, подобных Карасу-Базарскому, «где нет даже пола». «Карасу-Базар скверный город <...> низенькие дома окнами на двор, узкие переулки, иногда до того, что только двум человекам разойтись при встрече, а уж рядом идти и думать нечего <...> все точно так, как описывают восточные города <...> в переулках грязь такая, что я не видал нигде; едешь верхом — все сапоги забрызгаешь <...> целые ободранные бараны висят под навесами, где ходят покупатели; собаки с окровавленными мордами грызутся вокруг вас за какую-нибудь кошку...» (VI₂, 297).

Здесь, в Крыму, Леонтьев довольно много пишет⁵; здесь он встречает девочку гречанку, дочь феодосийского рыбака Лизу Политову, которая станет впоследствии его женой (см. о ней: VI₂, 298—300); здесь у него пробуждается интерес к научной работе, которого не наблюдалось, как будто, в студенческие годы. То, что казалось скучным в столице, теперь становится более привлекательным. «...Я люблю сочетание природы и науки», — скажет чуть позже герой одной из леонтьевских повестей (II, 337).

Надобно признать, что была в этом внезапно проявившемся интересе некоторая доля корысти. К концу войны Леонтьев стал мечтать о переводе в губернский город с хорошей больницей. Он рассчитывал, что его статьи, написанные на основе обширной практики, обратят на себя внимание начальства. В письме от 24 сентября 1855 г. Леонтьев просил мать похлопотать о переводе из Крыма и упоминал об одной своей работе: «Когда я еще был в Еникале, мне случилось не то чтобы

⁴ В одном из романов несохранившегося цикла «Река времен» действие происходило во время Крымской войны, и Андрей Львов был, подобно Леонтьеву, военным врачом.

⁵ Комедию «Трудные дни», очерк «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» — «отрывок из предполагаемого романа» «Война и Юг», главы из романа «Подлипки».

лечить (это было бы невозможно), а наблюдать одного гипохондрика-солдата, который скоро умер и был мною вскрыт; случай был довольно редкий и любопытный; я написал об нем мемуар всего на полу-лист и прибрал его. — Теперь обработал немножко и хочу послать в Военно-Медицинский журнал <...>. Entre tu soit dit — ведь это не беда воспользоваться случаем показать из себя человека наблюдающего, тем более, если действительно не пренебрегал возможностью улучшить свое знание? — Кто знает — быть может, заметят имя, и ваша просьба о переводе в Харьков или по крайности в Киев будет принята благосклоннее» (VII₂, 934).

План потерпел неудачу⁶. Одна небольшая заметка Леонтьева была, правда, опубликована в «Московской медицинской газете», но лишь весной 1858 г.⁷ Проект, о котором дальше пойдет речь, был тоже частью этой стратегии, его скрытой целью являлось помочь автору оставить военно-медицинскую службу.

А пока еще несколько слов о биографическом аспекте крымской темы для Леонтьева. В 1861 г., после тяжелой зимы в Петербурге, проведенной в кругу «честных тружеников», обивающих пороги редакций, в кругу либеральных газетчиков и адвокатов, он буквально бежит в Крым, находит свою Лизу и венчается с ней. Странный шаг, казалось бы лишь осложняющий и без того шаткое материальное положение... Тем более странный, что Леонтьев скоро оставляет жену на руках све-крови в заповедном, но уже полуразоренном «Великой реформой» калужском имениице, а сам возвращается в Петербург. Через несколько лет, когда Лизавета Павловна была вновь «сослана» (на этот раз из Турции) в Кудиново, Федосья Петровна Леонтьева с усмешкой писала: «Вот примерный супруг! ну, да поэт! нельзя иначе; женился поэтически, а поступает философически. Как женился, так беспрестанно отдаляет ее от себя; прикидывает всякому, как будто нечем кормить»⁸.

⁶ Упомянутая Леонтьевым статья «Fungus durrae matris у гипохондрика» впервые опубликована по черновому автографу в Полном собрании сочинений (VII₂, 271–273).

⁷ «Острое воспаление селезенки (Lienitis acuta)» (см.: VII₂, 282–285, 941).

⁸ Письмо к М. В. Леонтьевой от 14 июня 1867 г. — РГАЛИ. Ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1064, л. 39.

Последнее, короткое и несколько таинственное пребывание в Крыму практически не отражено в леонтьевских текстах. Правда, в романе «Генерал Матвеев» («Две избранницы») главы, посвященные женитьбе героя (такому же, если не большему, мезальянсу, как у автора), описывают перенесенные в 1850-е г. и лишь слегка измененные события лета 1861 г. Между прочим, Матвееву (не только главному герою «Двух избранниц», но и Матвееву из незавершенного романа «Подруги») Леонтьев дарит свой любимый Крым: поселяет его в крымском имении богатого деда под Ореандой, посылает добровольцем на войну. В романе «Подруги» темы мезальянса уже нет — Матвеев женат на богатой даме, у них имение в Крыму, виноградники...

Когда Леонтьев поступил на дипломатическую службу и в конце 1863 г. приехал на Крит, все оказалось для него родным и знакомым, потому что напоминало быт феодосийских греков, с той лишь разницей, что критская жизнь была более праздничной, и при этом особую остроту придавала ей вечная опасность войны. Но ведь и знакомство с крымскими греками происходило во время войны. Критского восстания Леонтьев не застал, о чем, кажется, не раз пожалел. Близкое знакомство с греками многое предопределяет в судьбе Леонтьева — хотя бы тем, что сформирует его «грекофильство».

Вскоре после отъезда с Крита Леонтьев закончил повесть, действие которой происходит во время Крымской войны на Южном берегу. Авторское название «Исповедь мужа» изменено родственниками писателя, хлопотавшими об издании повести, на «Ай-бурун» (название ее первой редакции). Оправдываясь за самовольство, племянница Леонтьева писала ему: «Напрасно только вы так сердитесь за название Ай-бурун. — По-моему, название *Исповедь мужа* гораздо обыкновеннее, и Ай-бурун скорее может заинтересовать» (II, 451). Предполагалось, вероятно, заинтриговать читателей экзотическим названием (Ай-бурун (Святой мыс) — самая южная точка Крымского полуострова).

Южный берег в этой повести являет собой, с одной стороны, образ рая, а с другой — какое-то загробное царство, страну забве-

ния, прекрасную гробницу⁹. Главный герой удалился сюда именно как в царство вечного покоя. Но жизнь вмешивается в его планы, послав встречу с девушкой, мужем которой он становится (впрочем, лишь по названию). Леонтьев дает этой героине имя своей жены. Лиза влюбляется в молодого грека Маврогени, пришедшего в Крым с французами, и уезжает с ним, уже после Парижского мира, в Италию. Муж ждет ее возвращения, но Лиза погибает во время кораблекрушения по дороге домой.

В этой повести, кстати, впервые у Леонтьева появляется монастырская тема: герой мечтал поселиться в маленьком монастыре в крымских скалах (пушкинский мотив: «Сюда, в заоблачную келью...»)¹⁰.

Леонтьев уже после публикации повести дважды редактировал ее, считал безнравственной, был недоволен финалом (самоубийство «мужа»), вычеркнул его (в таком виде текст представлен в полном собрании сочинений), но не смог придумать новую концовку, а потому завещал никогда «Ай-бурун» не переиздавать.

Крымский текст Леонтьева — это и ряд фрагментов в записках «Моя литературная судьба» (1875), и очерк «Сдача Керчи в 55 году» (1887). В 1887 г. был намечен «крымский» цикл, наподобие созданного раньше цикла «консульских рассказов» — «Казацкие аванпосты», «Кавалерийская схватка», «Крепость Ени-Кале в 54 году» (см. VI₂, 555). Замысел остался нереализованным, потому что у Леонтьева появилась тогда возможность обратиться к более притягательному для него публицистическому жанру (беллетристика, по его многочисленным признаниям, создавалась им лишь «для денег»).

⁹ Не случайно повесть начинается с описания сада, но отметим, что в этом саду — «безжизненные» кипарисы (II, 328), время здесь как будто остановилось (II, 330). Доминирующими являются мотивы *покоя* и *тишины*. А далее и просто возникает образ «красивой могилы». При этом «забвение», которое дает Крым, определяется как «живое забвение» (II, 339). Согласно концепции Е. Е. Дмитриевой, близкая трактовка Крыма неявно присутствует у Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» — см. наст. изд., с. 111.

¹⁰ См.: II, 380. Генерал Матвеев, согласно одному из замыслов Леонтьева, должен был стать «святогорским отшельником», т. е. осуществить то, что лишь мечталось «мужу» из «Ай-буруна», но не в Крыму, а на Святой горе Афонской.

После заключения Парижского мира богатый друг Леонтьева Иосиф Николаевич Шатилов (1824–1889) предлагает ему поступить в его имение домашним доктором на самых выгодных условиях. Предложение с радостью принято. Сначала, в сентябре 1856 года, Леонтьев только гостит в Тамаке, а потом, с конца ноября, поселяется здесь почти на полгода. Имение находится на границе Феодосийского и Перекопского уездов Таврической губернии. Шесть речек (Большая и Малая Карасу, Салгир, Бурульча, Бештерек, Зуя) соединяются здесь вместе и впадают в Сиваш. Чудесные места для охоты и для уединенного сосредоточенного труда. «Тамак — жилище спокойствия», — сообщает Леонтьев матери (VI₂, 302). «Ничто не способствует так творчеству, как правильная жизнь после долгих тревожных и странствий», — скажет он об этом времени почти через 20 лет (VI₁, 67).

В имении Шатилова, с его музеем крымских птиц и богатой библиотекой, Леонтьев обрел возможность осуществить свои мечты. «Я читал у него Кювье и Гумбольдта, и мне кажется, чуть ли не думал внести в искусство какие-то *новые формы*, на основании *естественных наук*» (VI₁, 68). Для тех лет — опережающая время тенденция, до «натурализма» еще несколько десятилетий. В Тамаке Леонтьев работает над романом «Война и Юг» (не сохранился) и комплексно изучает Крым. «Поэзию любовных приключений» сменяет «поэзия научных занятий».

Отдохнув у Шатилова и сделав обширные выписки из много-томного французского издания «Путешествия Демидова...», а также из множества научных статей о природе Крыма, Леонтьев смог продолжить научную работу, вернувшись в Феодосию. 8 июня 1857 г. он сообщал матери: «Я теперь работаю без перерыва; собрал много медицинских случаев, наблюдений о Крыме <...> надеюсь в конце этого месяца на 3–4 дня съездить в Одессу, чтобы представить Пирогову¹¹ несколько планов сочинений, в надежде, что он даст мне средства поехать в Париж для занятий в Ботаническом

¹¹ Речь идет о попечителе Киевского учебного округа Н. И. Пирогове, которого Леонтьев и впоследствии очень чтит, ссылаясь неоднократно на его статьи из «Военно-медицинского журнала».

Саду, или, если это невозможно, хорошее место в Москве, чтобы работать в свое удовольствие, или, по крайней мере, поощрит и рекомендует...» (VII₂, 942; подлинник по-французски, перевод Е. Л. Яценко).

В следующем письме (от 19 июня) говорилось: «Третьего дня вернулся с Южного берега, где пробыл с неделю <...>. Я ездил с целью осмотреть Никитский ботанический сад для одной статьи, которую я уже кончил начерно и готовлю с помощью писаря для подачи Пирогову, которого ждут сюда. — Не знаю, что из этого будет, но я доволен собою, я все сделал, что мог...» (VII₂, 943). В письме от 4 июля сообщались новые подробности: «Я кончил работу, которую хотел послать Пирогову; но вдруг мной овладело чувство моего бес-силія перед бездной фактов, которые я должен был опустить по незнанию, или по неимению источников, и едва ли я пошлю ему е! — В Москве лучше можно будет справиться обо всем недостающем» (Там же).

Черновой вариант этой работы под названием «О Крымском полуострове. Несколько общих мест о возможной нравственной важности Таврического полуострова для России и о проекте основания большой учебницы естествоведения на Южном берегу, в казенном саду» сохранился и опубликован в Полном собрании сочинений (VII₂, 274–281).

Занятия продолжались. «Я весь день пишу, переписываю то, что написал, иногда хожу пешком по окрестностям и изучаю растения <...> собрал небольшую коллекцию, которую один знакомый мне молодой человек хочет показать старому ботанику г. Стевену¹², чтобы он научно описал эти растения, пока я буду в Тамаке» (VII₂, 943)¹³.

Из Крыма Леонтьев вез с собой «Южно-бережский гербарий и маленькую коллекцию Крымских черепов» (Там же)¹⁴. В Москве он успел познакомиться со своей работой профессора зоологии

¹² Речь идет о первом директоре Никитского ботанического сада Х. Х. Стевене (1781–1863).

¹³ Письмо к матери от 19 июля 1857 г.

¹⁴ Письмо к матери от 13 сентября 1857 г.

К. Ф. Рулье, который «очень одобрял» ее «и помогал <...> советами» (VI₂, 9).

Поселившись в 1858 г. в Спасском, нижегородском имении бар. Розенов, Леонтьев продолжил работу над проектом и в феврале 1859 г. послал его в Петербург, в Министерство народного просвещения. Большая часть рукописи перебелена кем-то из детей Розенов, с которыми Леонтьев занимался, подобно герою одного из его романов («В своем краю»).

Основная задача этого труда такова: представить Крымский полуостров как уникальное место для создания учебного заведения нового типа — или самостоятельного, или в виде факультета Одесского университета (о его предполагаемом учреждении тогда было заявлено, но открылся Новороссийский университет лишь в 1865 г.). Сам Леонтьев позднее описывал содержание своего проекта так: «...Нигде почти в мире нельзя найти таких удобств для живого и наглядного изучения природы, как на Южном берегу Крыма (море, горы, дикие леса и близость степи в Крыму же, сады, тепличная флора, богатая воздушная, альпийская на высотах; — обилие перелетных птиц и рыбы; — возможность содержать лучше, чем в столицах, животных самого противоположного климата <...> необыкновенное обилие этнографических и антропологических данных <...> и т. д. Сверх того обращено было внимание и на нравственно-религиозное влияние тихой и здоровой местности на учащих, *будущих профессоров*; отсутствие столичной злобы, нужды и пустоты» (VI₂, 8–9).

«Не для всякого факультета, — говорилось в проекте, — выгодны одни и те же условия...» (VII₂, 318). Если медицинский, юридический, исторический могут «самобытно жить» только в больших городах, то естественный «может цвести только близко к деревенской природе, если при этом сообщения дают ему возможность не слишком запаздывать в ходе за новостями науки». «Нет нужды, чтобы на факультет, о котором идет речь, теснилась толпа молодых людей как на медицинский или юридический. — Немногие, избравшие тогда это скромное и высокое поприще с искренней любовью к нему, не побоятся деревенского удаления. — А от подобных немногих и надо ждать возвышения науки» (VII₂, 318–319).

Наиболее интересным в леонтьевском проекте представляется раздел, посвященный антропологии. Характеризуя Крым как страну «по преимуществу антропологическую» (VII₂, 278), Леонтьев показал себя человеком, следящим за «последним словом» современной науки. Он — читатель Карла Бэра — подчеркивал, что ни в одном университете нет кафедры антропологии, тогда как именно этой науке, понимаемой широко (в нее Леонтьев включал анатомию, физиологию, этнографию, «рациональную психологию»), принадлежит будущее, именно она осуществит предсказанное Т. Н. Грановским слияние гуманитарных и естественных наук. «Антропология <...> должна стоять на рубеже наук духовных и естественных <...> не ей ли быть звеном всех факультетов? — Если на факультете естествоведения ей следует дать одно из первых мест, как науке, одухотворяющей посредством эстетического символа фатализм праха, — то разве излишня она врачу, юристу и филологу? <...> Почему же не движется вперед молодая, увлекательная прекрасная наука? — Почему каждый обходится доморощенной наблюдательностью <...>. Но кому заниматься специально этой долго еще неприложимой наукой? — Кому служить науке для науки? — Пищи посредством многочисленных кафедр она не даст, а труда требует она еще более других естественных наук» (VII₂, 307–309). «Время не ждет <...> антропологии надобно спешить», — восклицал Леонтьев в черновой редакции проекта (VII₂, 278).

В своей «записке» Леонтьев не проектирует собственно устройство «учебницы», а дает лишь обоснование выбора места для нее, опираясь на данные разнообразных наук — от геологии и палеонтологии до этнографии. Здесь есть все приметы научного стиля — четкая рубрикация, ссылки на труды отечественных и зарубежных ученых, множество статистических сведений и таблиц с латинской номенклатурой, но есть и характерная для нашего автора примета — он не боится присутствия в научной работе поэтического начала. Яркий фрагмент такого рода завершает раздел о крымской фауне: «Однако тот будет прав, кто скажет, что все это перечисление звучных латинских имен не изображает ничего. — Надо, например, видеть самому, как прилетают с юга стада птиц. — Я видел и не

в силах забыть торжественное чувство, оживившееся во мне при живой встрече с картинами прилета этих психически-загадочных существ! — Степь у Сиваша обширна и пуста; — кроме мелкой, серой полыни почти нет травы... (по крайней мере она преобладает, сообщая всему пространству свой цвет).

Воздух был полон смутных звуков. — Утки, кулички, цапли разных сортов, чайки пролетали, плавали, суетились, бегали с криком и писком по воде и краям растаявших луж. — Три пеликана сидели рядом на речке, уходившей из виду не столько от склона почвы, сколько от истощения зрения далью горизонта.

Я видел также драхв, гуляющих по степи, коршунов (*Valtus fusvus*), десятками сидящих на курганах; видел змей и много ящериц, которые непрерывно скользят под ногами на сухих и каменистых местах. — Около Феодосии в ручьях немецких колоний кишмя кишат лягушки; по садам летают голубые сивоворонки, по виноградникам ползают улитки; в прохладных лесах на склоне гор поют цикады, и всюду крадутся по земле небольшие жабы. — Большие камни в море у Южного берега облеплены мелкими моллюсками; а кусты на берегу обвешаны белыми сухопутными раковинами; — в нескольких шагах их принимаешь за белые цветы. — Я видел медуз, плавающих у Феодосийских купален, и в колодезе одной степной деревни много черепах, выползавших на дощечки опущенной в воду черпальной машины, и вместе с ними таких огромных серых лягушек, каких я никогда прежде не встречал. — И все это видел нечаянно, не искал ничего. — Общее впечатление Крымской жизни в высшей степени научно и художественно! Часто приходила мне мысль о том, как бы беспечно и весело работал бы здесь молодой человек, полюбивший природу» (VII₂, 305–306).

В сопроводительном письме Леонтьева к министру народного просвещения Евграфу Петровичу Ковалевскому, датированном 10 февраля 1859 г., говорилось: «Быть может — я и ошибся в самых коренных основах проекта; быть может — он не приложим; некоторые подробности его, вероятно, недостаточно строги <...> но неужели почти постоянная необходимость деревенской жизни, столь

невыгодной для книжных справок, должна отнять у меня смелость высказать искренно мою мысль?

Я хотел весною представить Вам лично этот проект, но дошедшие до меня частные слухи о предположениях завести нечто подобное около Москвы, при семимесячной нашей зиме, — заставили меня поспешить» (VII₂, 944).

В «Журнале входящих бумаг по канцелярии за 1859 год» под 16 февраля находим запись: «Представление Лектора <так!> Леонтьева с проектом об учебнице естествоведения в Крыму»¹⁵. В тот же день заведено «Дело Канцелярии министра народного просвещения по письму Лекаря Леонтьева с препровождением *рукописи* его...»¹⁶. Это дело на протяжении полутора веков не привлекло внимания ни одного читателя и исследователя и было выявлено мной в процессе подготовки Полного собрания сочинений. В нем-то и находится беловая рукопись «записки».

Е. П. Ковалевский отвечал Леонтьеву 18 марта вежливой отпиской: «Прочитав с удовольствием присланную Вами <...> рукопись <...> и разделяя мнение Ваше собственно о пользе заведения, в котором изучение этой отрасли науки могло бы быть наглядным, независимо от выбора местности, я покорнейше благодарю Вас за сообщение мне сего Вашего труда» (VII₂, 944).

В деле хранится и «неподписанный проект» письма Ковалевского к министру государственных имуществ (им был тогда гр. М. Н. Муравьев): «Лекарь Леонтьев прислал рукопись под заглавием „Об учебнице Естествоведения в Крыму“; в сочинении этом автор излагает мнение, что необходимо было бы учредить в России заведение подобное Парижскому Jardin des Plantes и Лондонскому Зоологическому Саду, описывает местность южного берега Крыма, на которой находится Императорский Никитский сад, как удовлетворяющую требованиям такого рода учреждения <...> Письмо, при коем г-н Леонтьев прислал означенное сочинение, и самую рукопись автора имею честь препроводить при сем, по принадлежности, на усмотрение Вашего Высокопревосходительства». На полях этого документа есть

¹⁵ РГИА. Ф. 735, оп. 11, ед. хр. 53, л. 68 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 735, оп. 5, ед. хр. 209.

карандашная запись (возможно, рескрипт Ковалевского): «Почему же это принадлежит Министерству Имуществ? Только Никит<ский> сад может состоять в его ведении, а приведение в исполнение мысли автора есть дело М<инистерст>ва просвещения» (VII₂, 945).

После этого рукопись никуда отправлена не была, и к рассмотрению дела не возвращались. И не к лучшему ли? Россия приобрела бы в лице «лекаря Леонтьева» еще одного добросовестного чиновника, быть может, неплохого естествоиспытателя, но лишилась бы того Леонтьева, каким мы ныне знаем его, — человека, говоря словами Александра Блока, «синтетической культуры».